

РЕФЛЕКСЫ ПРОШЛОГО

Роман

Надежда Чародейская

18+

Надежда Чародейская
Рефлексы прошлого

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Рефлексы прошлого / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Она разрушила чужую жизнь. Он строит новую для себя и дочери. Их встреча не могла стать любовью. Но стала. Вера Никольская — «железная леди» архитектурного бизнеса. Семь лет назад она предала и обокрала человека, который её любил. Теперь у неё успех, власть и пустота внутри. Максим Соболев — архитектор из Петербурга, который в одиночку растит семилетнюю дочь Соню. Он носит заштопанные свитера, верит, что здания могут лечить, и не прощает предательств. Их сводит судьба — точнее, тендер на строительство детского медицинского центра. Она — циничный профи. Он — неисправимый идеалист. Им придётся работать вместе. И чем дольше они рядом, тем яснее становится: ненависть и любовь — две стороны одной медали. Но когда прошлое возвращается, Вере придётся сделать выбор, на который она не решалась семь лет. Потому что на кону — не просто проект. На кону — семья. Любовь. Дом. «Рефлексы прошлого» — пронзительная история о втором шансе, прощении и любви, которая приходит не к идеальным, а к настоящим.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фамилия на фасаде	5
Глава 2. Чужие берега	11
Глава 3. Зеркала и тени	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рефлексы прошлого

Глава 1. Фамилия на фасаде

Вера Никольская не любила опаздывать.

Она вообще не любила ничего, что выбивалось из графика. Опоздания, срывы сроков, неожиданные звонки, человеческие слабости — всё это было для неё не просто раздражающими факторами, а личным оскорблением. Мир должен был работать, как швейцарские часы. И её бюро «Никольская Арт» работало именно так.

Сегодняшнее утро началось с того, что её личный ассистент, Кирилл, прислал сообщение в шесть утра — за час до будильника.

«Вера Андреевна, пришло приглашение на тендер. Детский медицинский центр в Петербурге. Заказчик — фонд "Свет". Дедлайн подачи заявок — две недели».

Она прочитала сообщение, лёжа в постели, и почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Фонд «Свет».

Она знала этот фонд. Знала его учредителей. Алиса Ветрова-Шторм и Даниил Шторм — люди, чьи имена она старалась не произносить вслух. Люди, которым она когда-то причинила боль.

Вера отложила телефон на тумбочку, села в кровати и несколько минут смотрела в окно. Москва за стеклом просыпалась — серое мартовское небо, огни машин, суета. Она смотрела на город и думала о том, что прошлое никогда не уходит насовсем. Оно прячется, затихает, но в самый неожиданный момент протягивает руку и касается плеча: «Я здесь. Я всё ещё с тобой».

— К чёрту, — сказала она вслух.

Встала. Надела халат. Прошла на кухню, включила кофемашину. Пока кофе готовился, она открыла ноутбук и прочитала письмо полностью.

Детский медицинский центр. Новое строительство. Участок на набережной, вид на Неву. Бюджет — внушительный, но не главное. Главное — статус. Проект такого уровня выводил архитектурное бюро в высшую лигу.

А ещё — это был шанс.

Шанс на что — она пока не сформулировала. Но чувствовала: если она выиграет этот тендер, если построит этот центр, если докажет, что способна на что-то, кроме коммерческих высоток и бизнес-центров... Может быть, что-то изменится. Может быть, она наконец перестанет видеть во сне лицо Даниила, искажённое болью, когда он узнал о её предательстве.

Кофемашинка затихла. Вера взяла чашку, сделала глоток.

— Кирилл, — набрала она ассистента. — Подготовь все материалы по тендеру. Я беру его.

— Уже подготовил, Вера Андреевна. Но есть нюанс.

— Какой?

— Заказчик настаивает на личной встрече с участниками. Вам нужно быть в Петербурге в четверг. Презентация концепции.

Вера поморщилась. Петербург. Она не любила Петербург — слишком много воды, слишком много неба, слишком много воспоминаний. Она училась там, в Архитектурном. Там же познакомилась с Даниилом. Там же всё началось — и там же, в каком-то смысле, всё закончилось.

— Хорошо, — сказала она. — Забронируй билеты на среду. И свяжись с питерским офисом, пусть подготовят переговорную.

— Сделаю.

Вера повесила трубку и допила кофе.

В зеркале прихожей она мельком увидела себя: высокая, стройная, в строгом шёлковом халате, с идеально уложенными волосами. Безупречная. Как фасад здания, которое она спроектировала бы для себя самой: дорогие материалы, чистые линии, никаких излишеств.

Никто не догадался бы, что внутри этого здания — пустота.

Петербург встретил её дождём.

Мелкая мартовская морось висела в воздухе, как водяная пыль, и Невский проспект казался размытым, будто на старой акварели. Вера вышла из такси у входа в бизнес-центр на набережной Мойки — строгое стеклянное здание, которое она когда-то, лет десять назад, проектировала сама. Тогда она была молодым архитектором, полным амбиций и надежд. Теперь она была владелицей собственного бюро и возвращалась в этот город, чтобы победить.

Презентация проходила на третьем этаже, в конференц-зале с панорамным видом на реку. Вера вошла ровно за пятнадцать минут до начала — её обычное правило: достаточно рано, чтобы оценить обстановку, достаточно поздно, чтобы не ждать.

В зале уже собрались участники.

Она обвела их быстрым, профессиональным взглядом. Представитель крупной московской компании — скучный, предсказуемый. Молодая пара архитекторов из Казани — амбициозные, но без опыта. Какая-то питерская студия — кажется, они специализируются на социальных объектах.

И ещё один человек.

Он стоял у окна, спиной к залу, и смотрел на дождь. Высокий, широкоплечий, в тёмно-сером свитере, который явно знал лучшие времена — на локтях виднелись следы штотки. Волосы тёмные, с проседью на висках, чуть длиннее, чем принято в деловой среде. Когда он обернулся, Вера увидела его лицо: резкие черты, тёмные глаза, упрямый подбородок. И выражение — спокойное, но настороженное, как у человека, который привык ждать подвоха.

— Максим Соболев, — представился он, когда ведущий объявил участников. — Архитектурная мастерская «Соболев и партнёры». Санкт-Петербург.

Вера чуть не фыркнула. «Соболев и партнёры». Она знала эту мастерскую — небольшая, но с репутацией. Социальные проекты, школы, больницы. Никакой коммерции. Идеалисты.

Максим Соболев был явно их лидером.

Когда очередь дошла до неё, Вера поднялась и произнесла короткое, отточенное представление:

— Вера Никольская. «Никольская Арт». Москва.

Она заметила, как по лицу Соболева пробежала тень. Он знал её. Знал её имя, знал её репутацию. Все в их среде знали историю о том, как Вера Никольская предала своего партнёра и построила на этом карьеру.

Хорошо. Пусть знает. Она не собиралась оправдываться.

Презентации шли одна за другой.

Московская компания показала типовой проект — дорогой, но без души. Пара из Казани — что-то яркое, но сырое. Питерская студия — добротное, но скучное.

Потом настала очередь Соболева.

Он вышел к экрану без ноутбука — только с бумажным планшетом, на котором были зарисовки от руки. Никаких слайдов, никаких 3D-моделей, никаких спецэффектов. И всё же, когда он начал говорить, Вера почувствовала, как в зале изменилась атмосфера.

— Детский медицинский центр — это не просто здание, — сказал он. Голос у него был низкий, обволакивающий, с лёгкой хрипотцой. — Это место, куда приходят испуганные дети и их родители. Они не должны чувствовать себя в больнице. Они должны чувствовать себя в безопасности.

Он показывал эскизы: палаты с большими окнами, выходящими в сад. Игровые зоны, вписанные в структуру здания. Атриум с живым деревом в центре. Всё было подчинено одной идее: архитектура лечит.

— Мы можем построить коробку с аппаратурой, — продолжал он. — Или мы можем построить место, которое помогает выздоравливать. Я за второе.

Он замолчал. В зале было тихо.

Вера смотрела на его эскизы и чувствовала странное, забытое ощущение. Когда-то давно, в студенческие годы, она тоже рисовала такие проекты. Светлые, живые, человеческие. До того, как выбрала другой путь — путь амбиций и денег.

— Спасибо, господин Соболев, — сказал ведущий. — А теперь — «Никольская Арт». Вера Андреевна, прошу.

Она поднялась.

Подошла к экрану, включила ноутбук. Её презентация была безупречна: 3D-визуализация, анимация, макеты, сметы. Здание из стекла и стали, футуристичное, эффектное, с панорамным видом на Неву.

— Медицинский центр должен быть символом, — говорила она. — Символом прогресса, инноваций, будущего. Мы предлагаем не просто больницу. Мы предлагаем архитектурную доминанту, которая станет новой точкой притяжения в городе.

Она видела, как члены комиссии кивают. Её проект был дороже, амбициознее, заметнее. Но когда она закончила и встретилась глазами с Максимом Соболевым, он смотрел на неё не с восхищением. Скорее — с холодным интересом, как смотрят на сложную, но решаемую задачу.

Комиссия удалилась на совещание.

Участники разбрелись по залу. Вера стояла у окна с чашкой кофе и смотрела на дождь, когда услышала за спиной шаги.

— Никольская.

Она обернулась. Максим Соболев стоял в шаге от неё, засунув руки в карманы своих недорогих брюк.

— Соболев, — ответила она сдержанно.

— Красивый проект, — сказал он. — Дорогой. Пафосный. И абсолютно бездушный.

Вера вскинула бровь.

— Это деловая критика или личная неприязнь?

— Это профессиональное мнение. — Он не улыбался. — Вы строите памятник себе, а не больницу для детей. Дети не оценят панорамные виды. Они оценят, если в палате будет не страшно.

— Откуда вам знать, что ценят дети? — спросила она холодно.

Что-то дрогнуло в его лице. На мгновение — всего на мгновение — маска идеалиста дала трещину, и Вера увидела под ней что-то другое. Усталость. Боль. Одиночество.

— У меня есть дочь, — сказал он тихо. — Ей семь лет. Она провела три месяца в больнице, когда ей было четыре. Я знаю, о чём говорю.

Он развернулся и отошёл, не прощаясь.

Вера осталась стоять у окна. Кофе в её чашке остыл. Дождь за стеклом усилился.

Дочь. Семь лет. Три месяца в больнице.

Она вдруг поймала себя на мысли, что хочет узнать больше. Что случилось с девочкой? Где её мать? Почему Максим Соболев, успешный архитектор, носит заштопанные свитера и рисует эскизы от руки, хотя может позволить себе и ноутбук, и 3D-принтер?

— Глупости, — сказала она себе. — Это не твоё дело.

Но где-то глубоко внутри — в том месте, которое она много лет считала запертым, — уже зажётся огонёк любопытства. Или чего-то большего.

Через час комиссия объявила решение.

— Тендер не выявил единственного победителя, — сказал председатель. — Мы приняли нестандартное решение. Проект детского медицинского центра будет разрабатываться совместно: архитектурная мастерская «Соболев и партнёры» и бюро «Никольская Арт».

В зале повисла тишина.

— Что? — выдохнула Вера.

— Совместный проект? — переспросил Соболев. — Вы серьёзно?

— Абсолютно серьёзно, — подтвердил председатель. — Ваши концепции дополняют друг друга. Господин Соболев предлагает человечность. Госпожа Никольская — технологии и масштаб. Объедините усилия.

Вера встретила глазами с Максимом. В его взгляде читалось то же, что и в её: шок, раздражение и плохо скрываемый ужас.

— Выбора нет? — спросила она.

— Вы можете отказаться, — пожал плечами председатель. — Но тогда тендер перейдёт к другой команде.

Вера сжала зубы. Отказаться — значит потерять проект. Согласиться — значит работать с человеком, который её презирает.

Она повернулась к Соболеву.

— Похоже, у нас нет выбора, — сказала она.

— Похоже, — ответил он.

И в его голосе было столько же энтузиазма, сколько в голосе человека, которому предложили совместный проект с личным врагом.

Вечером Вера сидела в своём гостиничном номере и смотрела на город за окном.

Дождь кончился. Над Невой висела серо-розовая дымка, и огни Петербурга отражались в воде. Она думала о Соболеве. О его эскизах. О его словах про дочь.

И о том, что ей придётся провести с этим человеком ближайшие несколько месяцев.

Она открыла ноутбук и загуглила его имя.

Первая же ссылка вела на статью пятилетней давности: «Петербургский архитектор Максим Соболев выиграл конкурс на проект детского хосписа». Фотография: он стоит на фоне строительной площадки, без улыбки, в том же свитере. Рядом — девочка лет трёх с тёмными кудряшками. Подпись: «Архитектор с дочерью Соней на закладке первого камня».

Вера долго смотрела на фотографию.

Девочка улыбалась. У неё были глаза отца — тёмные, серьёзные, но с искоркой смеха. Максим держал её за руку.

— Кто же ты такой, Максим Соболев? — прошептала Вера.

Закрыла ноутбук. Подошла к окну.

Где-то там, в этом городе, жил человек, который носил заштопанные свитера, рисовал эскизы от руки и считал, что архитектура должна лечить. Человек, который смотрел на неё с презрением — и с каким-то странным, почти болезненным интересом.

Ей предстояло с ним работать.

И, возможно — впервые за много лет, — узнать, кто она сама.

Глава 2. Чужие берега

Утро началось с Сониного смеха.

Максим стоял на кухне их маленькой квартиры на Петроградской стороне и жарил оладьи — ритуал, которому было уже четыре года, с тех самых пор, как они остались вдвоём. Соня сидела за столом, болтая ногами, и рассказывала про вчерашний сон.

— И там был дракон! Огромный! Но он был не страшный, а смешной. Он хотел съесть детский сад, но подавился горкой.

— Горкой? — Максим перевернул оладью. — Почему горкой?

— Потому что она была из песка, а песок невкусный!

— Логично.

Он улыбнулся. Соня умела разгонять тучи одним своим присутствием — дар, который она унаследовала не от него и не от матери, а, кажется, откуда-то из космоса. Семилетняя девочка с тёмными кудряшками и отцовскими глазами, она была главным архитектором его вселенной.

— Пап, а ты сегодня опять на работу?

— Да, малыш. У меня важная встреча.

— С кем?

Максим помедлил, выкладывая оладьи на тарелку.

— С одной... коллегой. Из Москвы.

— Она хорошая?

— Не знаю. — Он поставил тарелку перед дочерью. — Кажется, нет.

— А почему ты тогда с ней работаешь?

— Потому что иногда приходится работать с теми, кто тебе не нравится. Это называется «профессионализм».

Соня нахмурилась, обдумывая услышанное. Потом кивнула — видимо, приняла объяснение.

— Тогда будь осторожен. Вдруг она кусается.

Максим засмеялся и поцеловал её в макушку.

— Обещаю быть осторожным.

Через час он отвёл дочь в школу — маленькую частную гимназию в трёх кварталах от дома, — а сам отправился в мастерскую.

Мастерская «Соболев и партнёры» располагалась в бывшей коммуналке на Васильевском острове. Высокие потолки, лепнина, скрипучие половицы — Максим обожал это место. Здесь пахло деревом, бумагой и кофе, здесь по стенам висели чертежи и детские рисунки, здесь всегда было шумно и тесно. В мастерской работали пятеро его сотрудников — молодые архитекторы, такие же идеалисты, как он сам.

Когда он вошёл, его уже ждали.

— Максим Алексеевич, — Оля, его правая рука, поднялась из-за стола с планшетом в руках. — Пришло письмо от заказчика. Утверждён график совместной работы. Первая встреча — сегодня в двенадцать. Здесь, у нас.

— У нас? — Максим поморщился. — Почему не на нейтральной территории?

— Потому что они предложили свой офис, а я сказала, что мы тоже имеем право принимать гостей. — Оля улыбнулась. — Пусть московская звезда посмотрит, как работают нормальные люди.

— Оля...

— Молчу, молчу.

Максим прошёл в свой кабинет — крошечную комнату с окном во двор-колодец, — сел за стол и открыл письмо. График был плотным: встречи три раза в неделю, совместные обсуждения, выезды на участок. Всё это означало, что ближайшие несколько месяцев он будет видеть Веру Никольскую чаще, чем собственную дочь.

Мысль эта не радовала.

Он снова открыл её презентацию — ту самую, которую она показывала на тендере. Стекло. Сталь. Панорамные виды. Всё дорого, эффектно и абсолютно не приспособлено для детей. Максим листал слайды и чувствовал, как внутри поднимается глухое раздражение.

Он знал эту породу архитекторов. Они строили не для людей — они строили для премий, для журналов, для собственного эго. Их здания были красивыми, но мёртвыми. Как надгробия.

И Вера Никольская была королевой среди них.

Он погуглил её имя — просто чтобы освежить память. Статьи, интервью, фотографии с презентаций. «Королева архитектурного бизнеса». «Железная леди российского девелопмента». «Никольская: как построить империю на руинах». Последний заголовок был особенно циничным — потому что руины, о которых шла речь, когда-то были бизнесом Даниила Шторма.

Максим не был лично знаком с Даниилом. Но он знал эту историю — в архитектурной среде она стала притчей во языцех. Вера Никольская и её любовник увели у Шторма бизнес, клиентов и репутацию. Шторм исчез на несколько лет, а Никольская построила на его костях свою империю.

Теперь она стояла перед ним — в дорогом костюме, с безупречной укладкой и холодными глазами, — и предлагала вместе строить детский центр.

Ирония судьбы.

— Максим Алексеевич! — голос Оли из-за двери. — Она приехала. На десять минут раньше. Ждёт в переговорной.

Максим вздохнул.

— Иду.

Переговорная в мастерской была, по сути, большой кухней. Здесь стоял длинный деревянный стол, за которым помещалось человек десять, старая газовая плита, на которой всегда кипел чайник, и книжный шкаф, забитый альбомами по архитектуре. На стенах висели макеты — текущие проекты, в основном социальные.

Когда Максим вошёл, Вера уже сидела за столом.

Она выглядела так, словно её доставили сюда в герметичной упаковке. Безупречный брючный костюм цвета слоновой кости, идеально уложенные волосы, макияж — ровно такой, чтобы подчеркнуть достоинства и скрыть недостатки. Рядом с ней на столе лежал тонкий ноутбук и стоял стакан с водой — она не притронулась к чаю, который предложила Оля.

— Доброе утро, — сказал Максим, садясь напротив.

— Доброе. — Она окинула взглядом кухню-переговорную, и на её лице мелькнуло что-то похожее на безразличие. — У вас... необычный офис.

— Это мастерская. Мы здесь работаем.

— Я заметила.

Максим заметил, как Оля, стоящая у плиты, бросила на Веру испепеляющий взгляд. Он мысленно попросил ассистентку не начинать войну в первые пять минут.

— Давайте сразу к делу, — сказал он. — У нас есть график, есть участок, есть два проекта, которые нужно совместить. Как вы видите нашу совместную работу?

Вера открыла ноутбук.

— Я предлагаю разделить зоны ответственности. Вы берёте на себя концепцию внутренних пространств — палаты, игровые, зоны ожидания. Я беру внешнюю архитектуру и инженерные системы.

— То есть вы берёте всё, что видно снаружи, а мне оставляете начинку?

— Можно сказать и так.

— Нет.

Она подняла бровь.

— Что «нет»?

— Так не пойдёт. — Максим сложил руки на столе. — Здание — это единый организм. Нельзя разделить его на «красивую оболочку» и «функциональную начинку». Если мы будем работать по отдельности, мы получим двухголового монстра.

— У вас есть другое предложение?

— Есть. Мы работаем вместе над каждой частью проекта. Спорим, обсуждаем, ищем компромиссы. Это будет дольше. Это будет труднее. Но только так получится цельное здание.

Вера смотрела на него несколько секунд. Максим видел, как в её глазах мелькают расчёты: выгодно — невыгодно, быстро — долго, контроль — потеря контроля.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Работаем вместе. Но с одним условием.

— Каким?

— Финальное слово по бюджету и срокам остаётся за мной. Я не могу допустить, чтобы проект превратился в архитектурную фантазию без оглядки на реальность.

— А финальное слово по атмосфере и функционалу — за мной. Детский центр не должен быть похож на бизнес-терминал.

Они встретились глазами. В воздухе повисло напряжение — но не враждебное, а скорее испытующее. Два боксёра в начале поединка, оценивающие друг друга.

— Договорились, — сказала Вера.

— Договорились.

Оля демонстративно громко поставила перед ними чашки с чаем.

Они проработали до вечера.

Максим ожидал худшего — высокомерия, попыток давить авторитетом, снисходительных замечаний. Но Вера Никольская оказалась... профессионалом. Холодным, жёстким, требо-

вательным — но профессионалом. Она не спорила ради спора. Если Максим предлагал дельное решение, она признавала его — неохотно, коротким кивком, но признавала. Если она предлагала своё — она аргументировала, цифрами и фактами, а не статусом.

Они успели обсудить план первого этажа, расположение приёмного покоя и маршруты движения пациентов. Максим показывал эскизы, Вера накладывала на них свои расчёты — и постепенно, шаг за шагом, из двух противоречащих друг другу концепций начало рождаться что-то третье.

— Здесь, — Максим ткнул карандашом в план атриума, — я хочу поставить живое дерево. Настоящее, в кадке. Чтобы дети, которые лежат в палатах, видели зелень.

— Живое дерево в помещении — это полив, освещение, уход, — сказала Вера. — Бюджет на эксплуатацию увеличивается на полтора процента в год.

— Полтора процента — это стоит того, чтобы ребёнок, который не может выйти на улицу, видел листья.

Вера замолчала. Что-то мелькнуло в её лице — тень, намёк на эмоцию, которую Максим не успел считать.

— Я подумаю, — сказала она.

Это была победа. Маленькая, но победа.

В шесть часов у Максима зазвонил телефон.

— Извините. — Он взглянул на экран. — Мне нужно ответить.

Он вышел в коридор. Звонила няня, Ирина Петровна, пожилая женщина, которая забирала Соню из школы и сидела с ней до вечера.

— Максим Алексеич, вы долго ещё? — голос у няни был встревоженный. — У Сонечки температура поднялась. Тридцать восемь и два.

У Максима сжалось сердце.

— Вызывайте врача. Я сейчас приеду.

— Да врача-то вызвала, но она вас просит. Папу хочет.

— Еду.

Он повесил трубку и вернулся в переговорную.

— Простите, Вера Андреевна, — сказал он, собирая бумаги. — Нам придётся закончить. У дочери температура.

Вера подняла на него глаза. И впервые за весь день Максим увидел в них что-то, кроме профессиональной отстранённости.

— Что-то серьёзное?

— Надеюсь, нет. Но я должен быть дома.

— Конечно. — Она закрыла ноутбук. — Мы продолжим в среду.

— В среду.

Максим уже надевал пальто, когда Вера вдруг сказала:

— Соболев.

— Да?

— Ваше дерево. Я подумала — можно сделать систему автополива с датчиками влажности. Это удорожает установку, но снижает расходы на эксплуатацию. В долгосрочной перспективе — выгодно.

Максим замер.

— Вы... серьёзно?

— Я всегда серьёзна. — Она встала и начала убирать ноутбук в сумку. — Я пришлю расчёты до среды.

Она прошла мимо него, оставляя за собой шлейф дорогих духов — что-то с нотами ириса и кожи. У двери остановилась.

— Надеюсь, с вашей дочерью всё будет в порядке.

И вышла.

Максим стоял в коридоре и смотрел ей вслед. Что-то в этой женщине не укладывалось в его картину мира. Она не была бездушной машиной, какой он её представлял. Или была — но в этой машине, кажется, имелись скрытые механизмы.

Он встряхнул головой.

Сейчас было не до неё. Дома ждала Соня.

Когда Максим вошёл в квартиру, Соня лежала на диване, укутанная в плед. Рядом сидела Ирина Петровна с чашкой чая.

— Папа! — Соня попыталась улыбнуться, но получилось слабо. Лицо у неё покраснелось, глаза блестели.

— Привет, малыш. — Максим присел рядом и поцеловал её в лоб. Лоб был горячим. — Ну и чего ты расклеилась?

— Не знаю. Просто горло болит и голова.

— Врач сказала — ангина, — вставила няня. — Назначила антибиотики. Я уже в аптеку сбегала.

— Спасибо, Ирина Петровна. Дальше я сам.

Няня ушла. Максим сел рядом с дочерью и взял её за руку.

— Ты помнишь, как мы в прошлый раз болели? — спросил он. — Ты тогда говорила, что ангина — это дракон, который поселился в горле. И мы его победили чаем с мёдом.

— Помню. — Соня слабо улыбнулась. — Но сейчас дракон сильнее. Он, наверное, вырос.

— Значит, и мы вырастем. Сделаем чай, примем лекарство и будем смотреть мультики. Идёт?

— Идёт.

Он приготовил чай, принёс таблетки, включил «Холодное сердце» — в сотый раз, но Соня обожала Эльзу. Потом сел рядом и, пока дочь смотрела мультфильм, проверял почту.

Одно письмо было от Веры Никольской.

Тема: «Расчёты по системе автополива».

Максим открыл письмо. Там были цифры, графики, ссылки на поставщиков. Всё чётко, по делу, без единого лишнего слова. И в самом низу — короткая приписка:

«Надеюсь, с Вашей дочерью всё в порядке. Если нужны контакты хорошего педиатра в Петербурге — у меня есть».

Максим перечитал приписку дважды.

Потом покачал головой и закрыл ноутбук.

— Пап, ты чего? — спросила Соня, не отрываясь от экрана.

— Ничего, малыш. Просто... кажется, я ошибся в одном человеке.

— В ком?

— В той коллеге из Москвы.

— Она всё-таки не кусается?

— Пока нет. — Максим обнял дочь и прижал к себе. — Пока нет.

За окном темнел петербургский вечер. Соня заснула, не дождавшись финала мультфильма. Максим сидел, глядя на спящую дочь, и думал о том, что сегодня он увидел что-то новое в женщине, которую привык считать врагом.

И это что-то ему не понравилось.

Потому что врагов ненавидеть проще. А что делать с человеком, который вдруг оказался сложнее, чем ты думал?

Ответа он пока не знал.

Глава 3. Зеркала и тени

Петербургская квартира Веры располагалась на набережной Фонтанки, в доме, который помнил ещё Пушкина. Она снимала её каждый раз, когда приезжала в город — не любила отели, их стерильную безликость, их одинаковые завтраки и равнодушный персонал. Здесь, в старом фонде, с лепными потолками и скрипучим паркетом, было что-то настоящее.

Квартира была небольшой — гостиная, спальня, кабинет, — но каждый предмет в ней имел значение. Вера сама обставляла её несколько лет назад: антикварный письменный стол, найденный на блошином рынке в Париже; торшер с абажуром из муранского стекла; книжный шкаф, забитый не только архитектурными альбомами, но и томиками Цветаевой, Ахматовой, Бродского. Никто из её московских коллег не поверил бы, что Вера Никольская читает стихи. Она и сама иногда в это не верила.

Сегодня она вернулась домой поздно — совещание с подрядчиками затянулось, а потом ещё час она сидела в офисе над расчётами. Усталость была приятной, заработанной. Вера сбросила туфли у порога, прошла на кухню, налила бокал белого вина и встала у окна.

Фонтанка текла внизу, тёмная и медленная. Огни фонарей дрожали на воде. По набережной шли пары — держались за руки, смеялись, останавливались, чтобы поцеловаться у парапета. Вера смотрела на них и чувствовала странную смесь презрения и зависти. Она давно запретила себе смотреть на чужие жизни с тоской, но иногда — вот так, поздно вечером, в чужом городе, — запрет давал трещину.

Она отошла от окна и села в кресло. На журнальном столике лежали её заметки по проекту — и рядом с ними, почему-то, эскизы Максима. Она принесла их домой, чтобы изучить внимательнее, но теперь поняла: изучать там было нечего. Она уже выучила каждый штрих.

Максим Соболев рисовал иначе, чем она. Его линии были неровными, живыми, почти дрожащими — как будто он вкладывал в них больше, чем просто архитектурный замысел. Вера рисовала по линейке: чётко, выверенно, безупречно. А он — от руки, и в каждом наброске чувствовалось дыхание.

Дерево в атриуме. Игровая зона, вписанная в структуру здания. Палаты с окнами, выходящими в сад.

Вера перебирала эскизы и думала о том, что когда-то — сто лет назад, в другой жизни — она тоже так рисовала. До того, как выбрала деньги и статус. До того, как предала единственного человека, который в неё верил.

Она отложила эскизы и взяла бокал. Вино было холодным и чуть терпким — Совиньон Блан, её любимое. Она сделала глоток и закрыла глаза.

Перед ней снова всплыло лицо Даниила — не такое, как в последнюю их встречу, искажённое болью и гневом, а другое: молодое, смеющееся, с горящими глазами. Они сидели на крыше Архитектурного, пили дешёвое пиво и спорили о Брунеллески. Он говорил, что архитектура — это искусство света. Она — что архитектура — это искусство власти.

Оба оказались правы.

Но права была и она. Архитектура — это власть. Над пространством, над людьми, над временем. И она заплатила за эту власть слишком высокую цену.

Вера допила вино и поставила бокал на стол. Подошла к зеркалу в прихожей. Из зеркала на неё смотрела женщина тридцати трёх лет — красивая, холёная, успешная. Женщина, которая построила бизнес с нуля. Женщина, которую боялись конкуренты и уважали партнёры. Женщина, у которой не было ни одного близкого человека.

— Ты сама это выбрала, — сказала она своему отражению.

Отражение не ответило.

Утро началось с дождя.

Максим стоял на кухне и смотрел, как капли стекают по стеклу. Соня ещё спала — после вчерашней температуры она проснулась только раз, попила воды и снова провалилась в сон. Максим не стал её будить, позвонил в школу, предупредил, и теперь у него появился неожиданный свободный час.

Он использовал его странно.

Вместо того чтобы работать над проектом или разбирать почту, он стоял у окна и думал о Вере Никольской.

Это раздражало.

Он привык к тому, что мир делится на чёрное и белое. Хорошие люди и плохие люди. Честные архитекторы и дельцы. Идеалисты и циники. Вера Никольская, по всем его критериям, принадлежала ко второй категории. Она была циником, дельцом и — если верить слухам — предательницей.

Но вчера она прислала ему расчёты по автополиву и спросила о здоровье Сони.

И это не укладывалось в схему.

Максим налил себе кофе и сел за стол. Квартира была тихой — их маленький островок в огромном городе. Он купил её пять лет назад, после развода, когда понял, что остался с дочерью один. Две комнаты, кухня, прихожая. Ремонт он делал сам: переклеил обои, покрасил стены, повесил полки. Денег тогда было мало — бюро только начинало вставать на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.